

НЕКРАСОВ, ЗАПРЕЩЕННЫЙ ДЛЯ НАРОДА

Публикация И. Ковалева

Крупнейший и талантливейший революционный поэт России Некрасов подвергался преследованиям со стороны органов политического контроля самодержавия и реакции не только при жизни, но и после своей смерти.

Из архивных дел различных цензурных учреждений видно, что царское правительство принимало особо строгие меры к преграждению доступа сочинений Некрасова в народные массы. Цензоры в своих отзывах неоднократно отмечали революционное содержание поэзии Некрасова. Они указывали, что его стихотворения «опасны», так как «возбуждают» в трудовом народе «ненависть к господствующим классам».

Своего рода цензурной инстанцией был и Ученый комитет при министерстве народного просвещения. Одной из задач этого реакционнейшего учреждения самодержавия являлась политическая фильтрация книг, допускаемых для чтения в школьные и народные библиотеки. Архивные документы Ученого комитета показывают, что среди изданий, запрещавшихся к массовому обращению, сочинения Некрасова всегда занимали одно из первых мест. Прежде всего это относилось, разумеется, к книгам, содержащим наиболее яркие революционные произведения поэта: «Железная дорога», «Кому на Руси жить хорошо», и др. Они запрещались решительно и безусловно.

Здесь мы ограничиваемся публикацией лишь одного документа, а именно официального выступления о Некрасове члена Ученого комитета, известного поэта предсимволиста, реакционно-дворянского публициста, редактора «Правительственного Вестника» и обладателя придворного чина гофмейстера — К. К. С л у ч е в с к о г о.

Значение публикуемого документа выходит за пределы интереса частного цензурного эпизода. Доклад Случевского дает общую оценку значения творчества Некрасова с позиций его основного политического врага — самодержавия и содержит предложение об общих и широкоохватывающих методах борьбы правительства с революционизирующим воздействием некрасовской поэзии. Санкционированное министром Зенгером предложение Случевского учредить специальную комиссию из чиновников «для пересмотра всех сочинений Некрасова» для того, чтобы «окончательно разобратся с Некрасовым», невольно заставляет вспомнить щедринских бюрократов и их «комиссии по упразднению литературы». В этом отношении публикуемый нами документ лишним раз демонстрирует глубочайший реализм и меткость сатирических обличений Щедрина.

Руководители царского министерства народного «просвещения» считали необходимым «окончательно разобратся с Некрасовым» в дни, когда вся демократическая Россия отмечала двадцатипятилетие со дня смерти своего любимого поэта. Мероприятия, связанные с памятной датой 1902 г., несмотря на все цензурно-полицейские ограничения, выразительно свидетельствовали, что передовые слои русского народа и общества давно и окончательно «разобрались с Некрасовым», помимо и вопреки всяким указкам царских чиновников. Но именно поэтому «вицмундирные просветители» и поставили вновь вопрос о мерах нейтрализации революционизирующего воздействия некрасовского творчества на широкие слои общества. Для самого Случевского его выступление о Некрасове являлось лишь очередным этапом в той борьбе с демократической мыслью, которую он начал еще в 60-х годах полемикой против Чернышевского («Явления русской жизни под критикою эстетики», 1867 и др.).

<ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ ОСОБОГО ОТДЕЛА УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ОТ 13 ДЕКАБРЯ 1902 Г.>

Слушали: <...> Доклад члена-гофмейстера К. К. Случевского по поводу ходатайства Совета «Общества для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии» о допущении для публичных народных чтений и бесплатных читален некоторых произведений поэта Н. А. Некрасова.

Совет «Общества для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии» вошел в Ученый комитет Министерства народного просвещения с нижеследующим ходатайством:

Ввиду приближающегося 25-летия со дня кончины Н. А. Некрасова, ярославца по происхождению, Комитет, озабоченный подготовкой достойного чествования поэта, включил в программу чествований, утвержденную общим собранием Общества, предложение устроить в возможно большем количестве пунктов народные чтения, посвященные памяти поэта, с изложением его биографии и прочтением его стихотворений. Комитет Общества встретил затруднение в том, что для обращения в народе допущено только малое количество произведений Некрасова, а так как Обществу уже было отказано в разрешении сочинений Некрасова для бесплатных библиотек-читален, то Комитет, не предполагая вновь входить с ходатайством о допущении всех произведений Некрасова, ходатайствует о допущении только некоторых, но уже не для одних только библиотек-читален, а также и к обращению в начальных училищах и аудиториях народных чтений. К прошению приложен список с переименованием стихотворений Некрасова, пригодных, по мнению Комитета Общества, для вышеуказанных целей <числом> 66, и в прошении упомянуто о том, что некоторые из поименованных произведений уже проникли в народ в виде песен, или же разрешены для обращения в народе в отдельных сборниках.

Ввиду того, что вопрос о Некрасове неоднократно возникал в Ученом комитете, мне пришлось перечитать снова все названные в прошении произведения. Мне кажется, что самое прошение страдает некоторою необдуманностью, ибо в нем слиты заодно, в качестве читателей, дети начальных школ и посетители публичных чтений и бесплатных читален; несомненно, что подобное отношение к назначению книжек недостаточно обосновано.

Ознакомившись, в который уже раз, с произведениями Некрасова, я пришел к заключению, что какой бы то ни было ответ на прошение невозможен, до окончательного выяснения общего вопроса о Некрасове. Этот вопрос, ввиду распространенности его произведений и их общеизвестности, требует подробной и тщательной разработки, причем нельзя не указать на некоторые общие соображения.

Несомненно, что именно сочинения Некрасова способны в руках злонамеренного человека послужить орудием самой нежелательной пропаганды, что, как сказано, большинство из них общеизвестно, читается и поется повсюду и что довольно крупный поэтический талант автора способен подкупить не одно молодое сердце. С другой стороны, следует понимать, что канвою для вышиваний некрасовских рисунков являлось крепостное право и те грустные административные распорядки, которые имели место повсюду полвека назад и выражались в лихоимстве, бессердечии и гнилости всего общественного строя с его помещичью основой. Страдать за страждущего являлось святым долгом для хорошего человека, и Некрасов страдал и выражал это в

своих произведениях. Исчезли помещики, нет более будочников, но сохранились и действуют всякие кулаки, обманные филантропы, жадные до денег капиталисты и фабриканты, губители нравственности, хулиганы. И стихи Некрасова в этом отношении еще осязают открытые общественные язвы. Омертвели только некоторые стороны его стихов, но другие живы полностью. В этом Некрасов не устарел, и вот почему к допущению его в школу, читальню и на публичные чтения надобно отнестись с величайшей осторожностью.

Перечитывая стихотворения Некрасова, я решительно терялся, не имея никакого критерия. Если смотреть на него вольготнее, свободнее, то он может быть допущен (конечно, не в школу) почти весь; если смотреть на него строже, то допущено может быть только очень и очень немногое. Как смотреть? — вот в чем вопрос.

Во внимание ко всему сказанному, а также и потому, что нужно же, наконец, окончательно разобраться с Некрасовым, я полагал бы нужным ходатайствовать пред г. председателем Ученого комитета об образовании особой Комиссии для пересмотра всех сочинений Некрасова.

Что же касается до прошения Совета «Общества для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии», то я считал бы возможным удовлетворить его только отчасти — допущением нижеследующих стихотворений Некрасова в школу и школьные библиотеки:

1) «Несжатая полоса», 2) «Влас», 3) «Внимая ужасам войны», 4) «Крестьянские дети», 5) «Стихи мои! Свидетели живые»; 6) Из числа песен: «Гимн» и «Господь, твори добро народу»; 7) Стихотворения, посвященные русским детям: «Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин»; 8) «Дедушка Мазай»; 9) «Соловьи» (последние 3 куплета допущены, чего не следовало делать); 10) «Кому на Руси жить хорошо» («Славься, народу давший свободу»); 11) Из «Накануне светлого праздника»: «Я ехал к Ростову»; 12) «Школьник» («Ну, пошел же ради бога!..»).

Что же касается до остальных перечисленных в прошении Общества 54 стихотворений¹, то ходатайство о их допущении следовало бы отклонить ввиду необходимости общего пересмотра всех произведений Некрасова.

З а к л ю ч е н и е У ч е н о г о к о м и т е т а

Особый Отдел Ученого комитета, выслушав изложенное мнение члена Случевского и имея в виду, что последнее время все чаще стали поступать в Ученый комитет ходатайства о допущении в школьные и народные библиотеки, а также для чтения в народных аудиториях сочинений Н. А. Некрасова, также находит вполне целесообразным и своевременным подтвердить ныне подробно рассмотренное полное собрание сочинений названного поэта с целью выборки из него тех произведений, кои могли бы быть беспрепятственно допущены для вышеозначенных библиотек и чтений. Принимая во внимание, что труд этот удобнее всего было бы возложить на нескольких членов Ученого комитета, Особый отдел полагал бы образовать для сего, в своем составе, особую временную комиссию из членов К. К. Случевского, А. Г. Филонова, В. В. Федорова, А. А. Радонежского и П. П. Мироносицкого. Что же касается ходатайства вышеозначенного Общества, рассмотренного г. Случевским, то окончательное обсуждение его следовало бы, по мнению Особого отдела, о т л о ж и т ь до представления Ученому комитету своего заключения вышеупомянутой комиссией.

Председатель Ученого комитета, с своей стороны, полагал поручить председательство в этой комиссии К. К. Случевскому и вместе с тем

просить его об ускорении сообщением Ученому комитету результатов ее занятий.

О п р е д е л е н о:

О вышеизложенном представить на благоусмотрение его превосходительства г. управляющего министерством.

Резолюция министра народного просвещения Г. Э. Зенгера: «Согласен»².

⟨ЦГИА(Л). — Журналы Особого отдела Ученого комитета Мин. нар. просв. за 1902 г., ч. III, 4366—4370⟩.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Ходатайство «Совета Общества для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии», явившееся предметом публикуемого отзыва, в делах не сохранилось. Это препятствует установить названия «остальных перечисленных в прошении Общества 54 стихотворений».

² О деятельности образованной по предложению Случевского и санкционированной министром «Комиссии для пересмотра всех сочинений Некрасова» никаких сведений в делах Ученого комитета не обнаружено.